

КОНСТАНТИН
ВАГИНОВ

ТРУДЫ И ДНИ
СВИСТОНОВА

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В12

Вагинов, К.К.

В12 Труды и дни Свистонова / К.К. Вагинов. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 160 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72552-1

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Константина Константиновича Вагинова «Труды и дни Свистонова».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72552-1

© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ТРУДЫ И ДНИ СВИСТОНОВА	5
Глава первая. Тишина	7
Глава вторая. Токсово	34
Глава третья. Куку и Кукуреку	66
Глава четвертая. Советский Калиостро	84
Глава пятая. Собираение фамилий	106
Глава шестая. Эксперимент над Ией	109
Глава седьмая. Разборка книг	111
Глава восьмая. Поиски второстепенных фигур	113
Глава девятая. Борьба с мешанством	121
Глава десятая. Подросток и гений	131
Глава одиннадцатая. «Звездочка» и Свистонов	135
Глава двенадцатая. Приведение рукописи в порядок	141
МОНАСТЫРЬ ГОСПОДА НАШЕГО АПОЛЛОНА ...	145
Часть первая	147
Часть вторая	154
Часть третья	158

ТРУДЫ И ДНИ
СВИСТОНОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТИШИНА

Жена, сняв платье и захватив мохнатое полотенце, как всегда вечером, мылась на кухне. Она брызгалась и, зажимая одну ноздрю, чихала другой. Она, подставив горсти под кран, опускала голову, терла мокрыми ладонями лицо, запускала пальцы в бледные уши, мылила шею, часть спины, затем проводила одной рукой по другой до плеча.

В окне виднелись: домик с освещенными квадратными окнами, который они называли коттеджем, окруженный покрытыми снегом деревьями, недавно окрашенный в белый цвет; две стены консерватории и часть песочного здания Академического театра с сияющими по вечерам длинными окнами; за всем этим, немного вправо, мост и прямая улица, где помещался «Молокосоюз», и красовалась аптека, и мутнела Пряжка, впадавшая в канал Грибоедова недалеко от моря. На Пряжку выходило большое здание с садом.

Свистонов смотрел из окна на этот район, где встретился театр, «Молокосоюз» и аптека.

Канал протекал позади дома, в котором жил Свистонов. Весной на канале появлялись грязечерпалки, летом — лодки, осенью — молодые утопленницы.

Позади канала шли улицы с трактирами, с выглядывающими из-за углов пьяными женщинами с поврежденными лицами, глотками, издающими хрипы.

Свистонову хотелось вновь надеть студенческую фуражку с голубым околышем, галоши и выйти в ночной город, где было Адмиралтейство со своим шпилем, Главный штаб, арка, церковь Св. Екатерины, городская Дума, здание Публичной библиотеки. Ему хотелось молодости.

За окном все уже давно скрылось, в квартире было тихо, только часы, пережившие всевозможные переезды, но лишившиеся боя, в столовой тикали.

Свистонову снился сон.

Человек спешит по улице. Свистонов в нем узнает себя. Стены домов полупрозрачны, некоторых домов нет, другие — в развалинах, за прозрачными стенами тихие люди. Вот там еще пьют, за столом, накрытым клеенкой, и глава семьи — кустарь, отодвинув стул от стола, смотря на собственное лицо, удлинненное самоваром, щиплет гитару, а дети, встав коленками на стул и подперев кулачками голову, часами глядят то на лампу, то на печку, то на уголок пола. Это отдых после трудового дня.

А за другой прозрачной стеной сидит конторщик, курит трубку, придает лицу американское выражение и часами смотрит, как дым вьется, как полусонная муха ползает по подоконнику или напротив, в окне, через двор, человек газету гложет и ищет, нет ли еще какого-нибудь занимательного убийства.

А там, через улицу, все вдовы собрались и судачат об интимных подробностях своей прерванной брачной жизни.

Видит Свистонов, что он, Свистонов, уже днем за всеми, как за диковинной дичью, гонится; то нагнется и в подвал, точно охотник в волчью яму, заглянет — а нет ли там человека? — то в садике посидит и с читающим газету гражданином поговорит, то остановит на улице ребенка и об его родителях, давая конфетки, начнет расспрашивать, то в мелочную лавочку тихо зайдет, осмотрит и с торговцем о политике побеседует, то, прикинувшись человеком сострадательным, нищему гривенник подаст и его враньем насладится, то, выдавая себя за графолога, всех известных в городе лиц объездит.

Утром, посмотрев на часы, Свистонов все позабыл. Стараясь не будить жены, полуодевшись, сел за редактуру. Что-то такое исправил, что-то такое поправил, поспешил в писательский клуб. Там уже сидели в шляпах и кепках и друг другу сплетни передавали и последние происшествия. Редакторша курила, румяная и полная, за обветренным письменным столом и, читая рукопись, время от времени вздыхала и смотрела из-за рукописи в сторону. Ей интересны были все эти разговоры, подчас веселые, но шум шагов и раскатистый смех мешали ей работать. Свистонов поздоровался с редакторшей и с присутствовавшими. Она подала ему руку и углубилась в чтение.

Посидели писатели, беседа часа четыре, кого-то поджидая, ожидая, кто первый встанет. Посидев, как все, насладившись, как все, разговорами, Свистонов исчез в лифте и очутился на проспекте 25 Октября. Было уже довольно поздно, и писатели и журналисты фланировали от издательства к Дому печати и обратно. Согретые весенним солнцем, они беседовали о том, что Круглов пишет, как Честертон,

что хорошо поехать в Крым, что хорошо эту книгу загнать, чтоб она ежегодно выходила. Они спускались в Московское Акционерное Общество, ели жареные пирожки, читали вечернюю «Красную газету», искали, нет ли о них чего-нибудь в хронике, покупали московские журналы и тоже справлялись — не пишут ли о них? Когда находили — то смеялись. Чуть пишут! Иногда к ним подбегал хроникер из студентов и спрашивал, над чем они работают. Тогда писатели ввали.

Это был нелегкий труд — просидеть в редакции часа четыре, а то и пять. К пяти часам у писателей разбалывались головы. Придя домой и пообедав, утомленные, ложились поспать на часок. К вечеру, убедившись, что день прошел и что уже сегодня они не смогут работать, шли с женами к знакомым на чашку чая.

Вечером, когда Свистонов лег в постель и подумал: о чем бы почитать? о старинной ли русской утвари, которая может пригодиться для его нового рассказа? Или не поучиться ли у Мериме краткости и точности? Или не взять ли том из «Collection de l'histoire parle Bibelot»¹, потому что мелочи удивительно поучительны и помогают поймать эпоху враслох.

Но поленился Свистонов надеть туфли, сшитые им из бобрика во времена нехватки всего и голода. Не вылез из-под одеяла, не поднялся на стул, быстро не достал книг. Вместо этого повернулся к жене и стал беседовать с ней об услышанных в редакции новостях.

¹ «Collection de l'histoire parle Bibelot» (*фр.*) — «История по безделушкам».